

Эй, держись-ка покрепче с разбитой ногой.
Был ты храбрый в Ростове, в Успенке!
Красный час твой пробил под эмблемы дугой:
— К стенке!
Ну а ты, что корону хранил на плечах,
И тебя мы по нашей расценке
Пустим в полный расход, но без блеска в речах...
— К стенке!

И. Сагацкий

ГЛАВА 1

УБИЙСТВО ГЕНЕРАЛА ДУТОВА

Александр Ильич Дутов таким запомнился современникам: *«Это любопытная физиономия: средний рост, бритый, круглая фигура, волосы острижены под гребенку, хитрые живые глаза, умеет держать себя, прозорливый ум»*. Злые языки говорили, что казачий атаман не допустил употребления своей фамилии в родительном падеже. Дескать, ему слышалось, что говорят про «атамана дутого». Но это не более чем легенда. Он стал известен на всю Россию в августе 1917 года во время Корниловского мятежа. Керенский тогда требовал от Дутова подписать правительственный указ, в котором Лавр Георгиевич Корнилов обвинялся в измене Родине. Атаман Оренбургского казачьего войска вышел из кабинета, презрительно бросив: *«Можете послать меня на виселицу, но такой бумаги не подпишу. Если нужно, я готов умереть за них»*. От слов Дутов немедленно перешел к делу. Именно его

полк защищал ставку генерала Деникина, усмирял большевистских агитаторов в Смоленске и охранял последнего главнокомандующего Русской армией Духонина. Выпускник академии Генерального штаба, председатель Совета союза казачьих войск России Александр Ильич Дутов открыто называл большевиков немецкими шпионами и требовал судить их по законам военного времени.

27 октября 1917 года, через два дня после большевистского переворота, Дутов издал указ по Оренбургскому казачьему войску: *«Впредь до восстановления полномочий Временного правительства и телеграфной связи принимаю на себя всю полноту исполнительной государственной власти»*. Город и губерния были объявлены на военном положении. Созданный Комитет спасения Родины, в который вошли представители всех партий, за исключением большевиков и кадетов, назначил Дутова начальником вооруженных сил края. Исполняя свои полномочия, он стал инициатором ареста некоторых членов Оренбургского совета рабочих депутатов, готовивших восстание. На обвинения в стремлении узурпировать власть Дутов с горестью отвечал: *«Все время приходится быть под угрозой большевиков, получать от них смертельные приговоры, жить в штабе, не видя неделями семьи. Хороша власть!»* Руководители большевиков быстро осознали, какую опасность для них представляло оренбургское казачество. 25 ноября появилось обращение Совнаркома к населению о борьбе с атаманом Дутовым. Южный Урал оказался на осадном положении. Александр Ильич был объявлен вне закона. Всем перешедшим на сторону советской власти гарантировалась

амнистия. 18 января 1918 года под натиском 8-тысячной красногвардейской армии Дутов был вынужден оставить Оренбург. Он шел впереди своего немногочисленного отряда с образом святого Александра Невского, который был с атаманом во всех боях, с войсковыми знаменами и регалиями. В Верхнеуральске был созван чрезвычайный казачий круг. Выступая на нем, Александр Ильич трижды отказывался от своего поста, ссылаясь на то, что его переизбрание вызовет озлобление у большевиков. Давали о себе знать и прежние ранения. *«У меня перебита шея, треснут череп, и никуда не годятся плечо и рука»*, — говорил Дутов. Но круг не принял отставку и поручил атаману формирование партизанских отрядов для продолжения вооруженной борьбы. В обращении к казакам Александр Ильич писал:

«Русь великая, слышишь ли ты набат? Очнись, родная, и ударь в своем старом Кремле-Москве во все колокола, и твой набат будет слышен повсюду. Сбрось великий народ ярмо чужеземное, немецкое. И сольются звуки вечевых казачьих колоколов с твоим Кремлевским перезвоном, и Русь православная будет целой и нераздельной».

Анализируя внутривластную обстановку, Дутов и позже не раз писал и говорил о необходимости твердой власти, которая выведет страну из кризиса. Он призывал сплотиться вокруг той партии, которая спасет Родину и за которой пойдут все остальные политические силы. Между тем положение большевиков в районе Оренбурга ухудшалось. 1 июля 1918 года они начали отступать — и спустя два дня Дутов занял город. После беспощадного террора, господствовавшего в крае за

время советской власти, казачьи части были встречены городским населением почти с небывалым восторгом и воодушевлением. 12 июля специальной декларацией Дутов объявил территорию Оренбургского войска «Особой областью государства Российского», то есть казачьей автономией. Вскоре он направился в Самару — столицу Комитета членов Учредительного собрания, где вошел в его состав и был назначен главноуполномоченным на территории Оренбургской губернии и Тургайской области. Тем самым эсеровское правительство, выступавшее за федеративное устройство страны, признало легитимность казачьей автономии. Интересно, что по своим политическим взглядам Дутов принадлежал скорее к либеральному лагерю и самарский кабинет министров не сильно жаловал, даже несмотря на присвоенное ему звание генерал-майора. Но ради свержения большевиков он был готов к компромиссам:

«Я не знаю, кто мы: революционеры или контрреволюционеры, куда мы идем — влево или вправо. Одно знаю, что мы идем честным путем к спасению Родины. Мне жизнь не дорога, и ее не буду щадить, пока в России будут большевики. Все зло заключалось в том, что у нас не было общегосударственной твердой власти, это и привело нас к разрухе».

18 ноября 1918 года в результате переворота в Омске к власти пришел Колчак, ставший Верховным правителем и главнокомандующим всеми вооруженными силами России. Одним из первых в его подчинение вошел атаман Дутов. Он хотел своим примером показать, как должен поступить каждый честный офицер. Однако

лидер антибольшевистского сопротивления в Забайкалье генерал Семенов сразу же заявил, что на посту Верховного правителя приемлет только Деникина или Дутова. Но Александр Ильич никогда всерьез не собирался заниматься политикой, считая себя недостаточно для этого способным.

Сохранилось расписание ежедневной работы Дутова. Рабочий день начинался в 8 утра и продолжался не менее 12 часов практически без перерыва. Атаман был доступен для простых людей — любой мог прийти к нему со своими вопросами или проблемами. Независимость, прямота, трезвый образ жизни, постоянная забота о рядовых, пресечение грубого обращения с нижними чинами — все это обеспечило Дутову прочный авторитет среди казаков.

Генерал Дутов не был идеальным человеком, не выделялся особыми способностями, но при этом проявил качества, позволившие ему создать практически из ничего собственную вполне боеспособную армию и вести беспощадную борьбу с большевиками. Современники так описывали Александра Ильича: *«Усталость, утомление разлиты в его чертах. Морщины вокруг губ наметились глубже и резче. Только глаза — черные и блестящие — по-прежнему горят железной волей и удачью. Он — выразитель надежд сотен тысяч поверивших ему людей»*. Сохранилось и еще одно свидетельство о Дутове, правда, прямо противоположное. Барон Будберг однажды высказался о нем как о человеке, везде сующем свой нос. Ничего удивительного в подобной характеристике нет.

Во-первых, помощник Колчака так отзывался обо всех без исключения лидерах Белой борьбы в Сибири, а во-вторых, для многих именно генерал Дутов был символом всего антибольшевистского сопротивления. Не случайно казаки Оренбургского войска писали своему атаману: *«Вы необходимы, Ваше имя на устах у всех, Вы своим присутствием еще более вдохновите нас на борьбу»*. Ведь те, кто должен был возглавлять борьбу с Третьим интернационалом, занимались «бумажной политикой», как называли это современники.

Осень 1919 года считается самым страшным периодом в истории Гражданской войны в России. Ожесточение охватило всю страну и не могло не отразиться на действиях атамана. По свидетельству современника, Дутов так объяснял собственную жестокость и террор: *«Когда на карту ставится существование целого огромного государства, я не останюсь и перед расстрелами. Это не месть, а лишь крайнее средство воздействия, и тут для меня все равны»*. Интересно, что в то же самое время в правительстве Колчака царила твердая уверенность, что дни большевизма сочтены и Дутов совершенно напрасно отдает под трибунал провинившихся офицеров. Дескать, есть дела и поважнее, к примеру, организация системы управления в стране и подготовка Всероссийского представительного собрания. Нельзя не упомянуть и знаменитые переговоры о будущем территориальном устройстве государства с казахскими и башкирскими автономистами. Предполагалось разделить страну на округа. Атаману предстояло руководить Южно-Уральским краем, в который кроме Оренбуржья включались

Башкирия, а также западная и северная части современного Казахстана. Дутов направил на имя адмирала Колчака записку со своими предложениями о порядке взаимоотношений с национальными окраинами. Этот документ свидетельствует о глубоком знании атаманом истории региона, особенностей национальной культуры и способов их использования в политике центральной власти. Сам же генерал по этому поводу лишь скромно заметил: *«Я люблю Россию, в частности свой Оренбургский край, в этом вся моя платформа. Если бы большевики и анархисты нашли действительный путь спасения и возрождения страны, я был бы в их рядах; мне дорога Родина, и патриоты, какой бы партии они ни принадлежали, меня поймут, как и я их».*

Однако руководить Южно-Уральским краем генералу не довелось. 12 сентября 1919 года Верховный правитель России адмирал Колчак назначил Дутова командующим разгромленной красными Оренбургской армией, которая безостановочно отступала по голой, безлюдной степи, испытывая недостаток продовольствия. Одному из своих офицеров атаман тогда сказал: *«Россия умирает. Мы присутствуем при ее последнем вздохе».* Уже в эмиграции уцелевшие достаточно точно назвали то время «голодным». Резали и ели лошадей. У местного населения покупали продукты, фураж, одежду, сани, но и этого не хватало для многотысячной людской массы. Тяжелобольных оставляли умирать в населенных пунктах, погибших не успевали хоронить и обременяли этим печальным обрядом местных жителей. В армии свирепствовал тиф, который к середине октября выкосил

почти половину личного состава. По самым примерным подсчетам, во время «голодного похода» погибло свыше 10 000 человек. В своем последнем приказе по армии Дутов писал:

«Все те трудности, лишения и разные невзгоды, которые претерпели войска, не поддаются описаниям. Лишь беспристрастная история и благодарное потомство по достоинству оценят боевую службу, труд и лишения истинно русских людей, преданных сынов своей Родины, которые ради спасения своей Отчизны самоотверженно встречают всякие мучения и терзания».

В марте 1920 года частям Дутова пришлось покинуть родину и отступить в Китай через ледниковый перевал, расположенный на высоте 5800 метров. Обессиленные люди и кони шли без запаса еды и фуража, следуя по горным карнизам, случалось, срывались в пропасть. Самого атамана перед границей спустили на канате с отвесной скалы почти без сознания. Отряд был интернирован в Суйдине и расположился в казармах русского консульства. Дутов не терял надежды возобновить борьбу с большевиками и пытался объединить под своим началом всех бывших белых воинов. За деятельностью генерала с тревогой следили в Москве. Лидеров Третьего интернационала пугало наличие значительных организованных и закаленных годами борьбы антибольшевистских сил вблизи границ советской России. Было принято решение ликвидировать Дутова. Выполнение этой щекотливой миссии возложили на Реввоенсовет Туркестанского фронта. Под видом единомышленника

к атаману проник советский агент Махмут Хаджаиров. И 6 февраля 1921 года он застрелил Дутова в его квартире. Два казака из охраны генерала получили смертельные ранения. *«Если суждено быть убитым, то никакие караулы не помогут»*, — любил повторять атаман. Так и вышло. Подпоручик Серафим Рождественский писал в своих воспоминаниях:

«Вечером шестого февраля группа Чанышева подошла к крепости.

— Пакет для его превосходительства, — сказал Махмут, показывая конверт с сургучными печатями.

— Жди здесь, позову дежурного, примет! — ответил часовой.

— Велено вручить лично в руки, видишь? — показал он дутовцу подчеркнутые двумя жирными чертами слова: “Совершенно секретно” и “Вручить лично”.

И не дожидаясь, пока казак будет раздумывать, отодвинул его плечом и спокойно, как будто каждый день ходил по этой дорожке, зашагал к дому, стоящему в глубине двора, почти у самой крепостной стены. Разговор с охранником у дома был примерно таким же. Только тот доверительно добавил: “Кажись, их превосходительство уже почивают...”

Атаман Дутов полулежал на тахте, о чем-то вполголоса говорил с адъютантом, который разбирал на столике бумаги. Кроме этого, Махмут успел заметить только поблескивающие в свете лампы иконы. Лихо козырнув, Махмут протянул пакет. Адъютант вскрыл его и подал атаману. Дутов стал читать вслух: “Господин атаман, хватит нам ждать. Пора начинать. Я все сделал. Ждем только первого выстрела”. И вдруг метнул исподлобья острый, изучающий взгляд на гонца. Тот стоял,

ОПЕРАЦИЯ «ТРЕСТ». ШПИОНСКИЙ МАРШРУТ МОСКВА – БЕРЛИН – ПАРИЖ

как изваяние. Атаман стал читать дальше: “Сожалею, что не смог приехать лично...”

— А где Чанышев? — так же резко вскинув голову, спросил Дутов.

— Он ушиб ногу и сам приехать не может, — спокойно ответил Махмут. — Он ждет вашу милость у себя в доме!

— Это что еще за новости? — выкрикнул атаман.

Это были его последние слова. Махмут понял, что вариант похищения атамана Дутова отпадает. Выхватив наган, он выстрелил в упор. В то же мгновение на него бросился адъютант. Еще выстрел — и адъютант свалился к ногам Махмута. Махмут выстрелил еще раз в Дутова, свалившегося с тахты. И тут же бросился бежать.

В те дни советская граница в Семиречье была приведена в боевую готовность. В Джаркенте и в других пограничных городах был введен комендантский час и особое положение. Советские комиссары серьезно опасались нападения белых из-за границы. Боялись, что дутовцы и другие белые начнут мстить за убийство атамана Дутова. Но этого не случилось — некому было заменить атамана Дутова».

Атамана похоронили на небольшом кладбище. Но через несколько дней эмиграцию облетела шокирующая весть: ночью могила генерала была разрыта, а тело обезглавлено. Как писали газеты, убийцы должны были предоставить доказательства исполнения приказа. Только спустя 70 лет стали известны подробности смерти генерала. 8 февраля 1921 года Хаджаиров телеграфировал в Москву: *«Руководивший операцией зашел в квартиру Дутова, подал ему письмо и, воспользовавшись моментом, двума*

выстрелами убил. Наши сегодня благополучно вернулись в Джаркент». На бланке сохранилась и пометка, куда именно следует передать депешу: Центральный комитет Российской коммунистической партии большевиков.

ГЛАВА 2

ТАЙНА ГЕНЕРАЛА МОНКЕВИЦА

О нем до сих пор мало что известно. Лишь общие сведения, маленькая тележка достоверных фактов и целый вагон туманных слухов. А между тем именно он стал первой жертвой незримой войны в Париже между советской разведкой и русской эмиграцией.

Николай Августович Монкевиц родился 22 ноября 1869 года в небогатой дворянской семье в Польше. Окончил второй кадетский корпус, Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду. Военную службу начал проходить в должности помощника старшего адъютанта Варшавского военного округа.

31 октября 1910 года на него были возложены обязанности заведования военно-статистическим делопроизводством части первого обер-квартирмейстера, а с 1 июня 1914 года — особым делопроизводством главного управления Генерального штаба. С этого момента в его руках фактически сосредоточилась вся разведывательная и контрразведывательная работа в Русской императорской армии.